

ЭПОХА ШУГАЛЕЯ

Вген Флорестов

18+

Вген Форестовски Эпоха Шугалея

<https://litres.ru/74548244>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ-размышление о подпольной звукозаписи в советском союзе 70-х-80-х.

Вген Форестовски

Эпоха Шугалея

ЭПОХА ШУГАЛЕЯ

Однажды я всерьёз задумался, откуда берутся любители и, собственно, исполнители так называемой, классической музыки? Все эти Жени Кисины, Денисы Мацуевы, Спиваковы и Растроповичи, с полными залами заворожённых поклонников. Сколько бы я не пытался внимательно слушать классику от начала до конца, у меня ничего не получалось! Через пять-десять минут становилось скучно и неинтересно, даже при том, что я целых семь лет обучался в музыкальной школе по классу фортепиано! Что отталкивает неискушённого потребителя от академической подачи ортодоксального музыкального материала? Дурацкий задний фон с бутафорским органом? Фрак с бабочкой? Отсутствие ритма? Казалось бы, я задал себе очень простой вопрос, но у меня нет на него однозначного ответа. Когда я учился в четвёртом, или пятом классе, у нас дома имелись пластинки Минкуса и Чайковского, которые я слышал не один раз. Не могу сказать, что они трогали меня за душу. Но, оказавшись со своим классом в городском театре на балетах «Дон Кихот» и «Щелкунчик», я глаз не мог оторвать от красочной сцены, погрузившись в

ляющуюся из оркестровой ямы музыку по самые уши.

Современный человек, знакомый лишь с повсеместно звучащей попсой, изначально не требующей интеллектуальных усилий, вряд ли откроет для себя многообразный мир музыки, существующий за пределами летних кафе, шашлычных и телевизионных шоу. По-настоящему великая и вечная музыка редко нравится с первых нот. Эта музыка не рекламируется, её не берут в ротацию музыкальные программы, она не востребована большинством и, как следствие, труднодоступна. Даже имея музыкальное образование, я плоховато разбираюсь в мировой классике, но, разбуди меня ночью, и я перечислю по порядку название всех песен с любого альбома “Битлз”. Я так и не полюбил оперу, мне утомительно слушать длинные фортепианные произведения или симфоническую музыку, при этом я обожаю звучание классических инструментов и люблю работы современных исполнителей, использующих их в своём творчестве.

В детстве хорошие люди познакомили меня с блюзом, джазом и соул, которые я полюбил на всю жизнь, но встретиться на моём пути другие авторитеты, боюсь, что они могли бы привить мне страсть к диско, рэпу, или, прости, господи, тяжёлому року. Политика радиостанций и развлекательного телевидения, откуда большинство людей познают мир музыки, нацелена на массовую и невзыскательную аудиторию. Это объясняется, прежде всего, экономическими механизмами. Коммерческие СМИ живут за счёт рекламы, стои-

мость которой напрямую зависит от количества потребителей контента. Музыка, использующая простые циклические структуры и запоминающиеся мелодические крючки (хуки) создана для фонового восприятия. Серьёзная музыка требует от слушателя сосредоточенности, что противоречит самой концепции быстрого потребления информации.

Человек, особенно в детстве, очень восприимчив к критике со стороны старших. Я убеждён, что музыкальный вкус формируется именно в подростковом возрасте, когда люди ещё только начинают ориентироваться на те, или иные авторитеты. Обычно это старшие товарищи, которым хочется подражать, в том числе и в вопросах вкуса. Все мои одноклассники в семидесятых предпочитали танцевальную музыку, которая меня совершенно не впечатляла. От природы я не очень пластичен и стеснялся участвовать в школьных дискотеках. Всего однажды, в восьмом классе, я гордо принес на какую-то школьную вечеринку ранние записи Al Di Meola и Earth Wind & Fire. Как же я был наивен, пытаюсь пропагандировать такую музыку людям, жаждущим танцевать под Dschinghis Khan. Я искренне не понимал, почему мои великолепные записи никого не интересуют.

За последние десятилетия в мире произошли глобальные изменения, связанные с доступностью информационных технологий. Теперь у каждого пользователя сети «Интернет» имеется возможность получить нужную ему информацию, касающуюся музыки, её исполнителей, или воспро-

изводящей аппаратуры. Не выходя из дома можно бесплатно, или за приемлимые деньги послушать интересующие вас произведения, как минимум, для общего ознакомления, а при желании скачать, или заказать по почте нужные звуковые носители любого качества. Но ещё не так давно всё было иначе. Качественную аппаратуру невозможно было приобрести в отечественных магазинах, а определённая (как правило, очень хорошая) музыка была не просто труднодоступна, она находилась под запретом. Её не выпускали на пластинках, не транслировали по телевизору, её вообще невозможно было приобрести легально. В стране существовали лишь немногочисленные подпольные домашние студии, где такую музыку можно было найти и записать с той, или иной степенью качества. Такие частные студии имелись в каждом крупном городе, находились они в обычных жилых квартирах, куда вход был разрешён лишь приближённым из круга избранных. Мне повезло с ранних лет познакомиться с записями легендарного человека из города Риги, коллекционера, радиоинженера и конструктора, Юриса Лапинскаса (Юрия Лапинского), чьими советами, технологиями и записями я пользуюсь большую часть своей жизни. Именно благодаря ему я стал безнадёжным меломаном, дотошным коллекционером, человеком, ценящим качественное воспроизведение звука, и пытающимся разобраться в огромном музыкальном разнообразии.

С пелёнок мамы пели нам свои колыбельные. Сначала это тихая нежная песенка с незамысловатыми словами, чаще, состоящая из одного, или двух междометий, но очень скоро к ней добавляются «ударные» в виде ритмичного похлопывания дитя во время пения по укутанному в пелёнку тельцу, спинке кроватки, или лёгкого притопывания. И так абсолютно у всех народов. Гораздо позже наступают периоды, когда нам нравится, или не нравится какая-то конкретная музыка. Это связано со многими обстоятельствами главными из которых являются наше близкое окружение, его традиции и, как следствие, наше воспитание.

Я рос в совершенно не музыкальной семье, у нас никто не пел, не играл на музыкальных инструментах, никто специально не слушал музыку, никто ей не восхищался и не интересовался. Более того, моя мама была недовольна, когда в юности я приносил домой записи с чем-то напоминающим "рок". Она говорила, что все исполнители этой музыки - «лоботрясы» и «хиппи великовозрастные», критиковала их причёски, манеру одеваться и вести себя на сцене. Гитару мама считала исключительно хулиганским атрибутом. Ей не нравилось, что зарубежные исполнители «слишком громко играют» и вообще не понятно, про что они там поют - может быть, они всех нас проклинаяют, или посылают куда подальше, а я, дурачок, всё это приношу домой и слушаю...

Лет до двенадцати, как и многих моих сверстников, музыка интересовала меня постольку-поскольку. Единственным

исключением была заливчатая испанская песенка из кинофильма «Зорро» с Аленом Делоном в главной роли. Её спел некто Oliver Onions. Песня называлась “Zorro Is Back”. Эта музыка нравилась ещё нескольким мальчишкам из нашего класса, мы ходили на тот фехтовальный вестерн бессчётное количество раз. Скорее всего, успеху трека способствовал видеоряд с красавчиком Делоном, который все полтора часа самозабвенно боролся со злом, балансируя на грани жизни и смерти, мимоходом успевая пудрить мозги сексапильной брюнетке, Ортенсии Пулидо. Мы с приятелем серьёзно размышляли над тем, не притащить ли в кинозал огромный отцовский ламповый магнитофон и записать эту песенку с микрофона на магнитную ленту!

Как и все мои сверстники, долгое время я довольствовался музыкой советского радио и телевидения, пока жизнь не свела меня с одним чудачком, имевшим отечественный стереомагнитофон "Маяк-001" с усилителем «Одиссей 001» и тридцативаттниками "Sony". Это был первый человек в моём окружении, имевший качественные записи, которые он приобретал через третьи руки у серьёзных аудиофилов. Тогда—то я и узнал, что музыка может звучать совсем не так, как в телевизоре, или на дедушкиной радиоле. Я был поражён тончайшими прозрачными звуковыми нюансами в верхнем и среднем диапазонах и, конечно, прыгучими низкими частотами, без которых любое восприятие мелодии совершенно ущербно. Мне так захотелось иметь этот звук у себя

дома... Но мама, как всегда, была непреклонна.

Я ни разу не видел, чтобы мои родители танцевали, или просто двигались в такт играющей музыке, не слышал, чтобы они что-то напевали, или отзывались об услышанной мелодии положительно. Тем не менее, мама, как многие родители времён СССР, отдала меня в музыкальную школу учиться игре на фортепиано. Да! В начале семидесятых многие мамы (не знаю ни одного такого папы) заставляли своих чад учиться тому, о чём сами не имели ни малейшего понятия. «Будешь учиться музыке! Мне лучше знать, что тебе нужно! Потом ещё спасибо мне скажешь!» - такова была их железная логика. С ними не поспоришь. Видели бы вы, кого отдавали в музыкальные школы родители! При зачислении на учёбу никто не интересовался, есть ли у тебя слух, способности, а главное, желание учиться. Никакой конкуренции или серьёзного отбора тоже не существовало. Принимали всех, чьи родственники были готовы оплатить обучение, - в этом была вся суть учебной политики советских музыкальных школ. Обучение стоило двадцать семь рублей в месяц, что было не маленькими деньгами, иногда, четвертью зарплаты одного из родителей, оно же являлось поводом для упрёков и шантажа отданных учиться музыке детей. Виолончель стоила 350 рублей, скрипка - 200, а пианино целых 700! Тогда это была половина стоимости кооперативной квартиры. Мои знакомые, сверстники и товарищи по несчастью, ненавидели "музыкалки", но прилежно делали вид, что учатся этой самой "музы-

ке", чтобы не злить и не расстраивать своих мам. Порой дело доходило до скандалов и физических наказаний в ходе которых робкие детские бунты жестоко подавлялись с помощью ремня. Ежедневно мамы справлялись: "Ты сделал музыку?" Именно так, - "Сделал?". (Как можно "сделать" музыку?) И получали в ответ: "Да, мам, я позанимался, можно теперь пойду, погуляю?" Ну, научились мы играть гаммы, изображали на занятиях по специальности какие-то мелкие и скучные произведения советских авторов, а потом спешили к своим магнитофонам, чтобы поскорее услышать Элвиса, или «Битлз». Практически никто из нас, отучившись по пять-семь лет, после окончания музыкальных школ, никогда не садился за инструмент. Никто из нас не напишет музыкальный диктант, не многие определяют на слух тональность произведения, даже сыграть по нотам с листа будет не лёгкой задачей. Спрашивается - зачем нас мучили столько лет, лишая бесценных часов, недель и лет беззаботного детства?!

В нашей общеобразовательной школе учился парень, которому завидовали, без преувеличения, все мальчишки. Он учился играть на ударной установке. Его звали Олег. Парень был старше нас на год, носил длинные волосы, уже в пятом классе страдал лишним весом, был очень некрасивым и постоянно потел. Никто так и не услышал, как он играет на барабанах, никаких доказательств этому Олег не представил. Всё, чем он мог похвастаться, это судорожные постукивания ладонями по парте или собственному портфелю. Но мы ему

всё—равно верили. Ударник это круто! Какое-то время мы с Олегом дружили и даже пытались вместе смастерить собственную ударную установку с хэтом из двух подпружиненных медных тарелок, установленных на основание от алюминиевого пюпитра, который я спёр из музыкальной школы, пары старых пионерских барабанов, стального тросика, и каких-то найденных на помойке железяк. Увидев попытки создать этот весьма шумный музыкальный инструмент, мои мама со старшей сестрой высмеяли нас с Олегом, сказав, что мы ведём себя, «как детсадовцы». В 12-ть лет услышать подобную критику от взрослых казалось невыносимым унижением, поэтому мне пришлось прекратить свои творческие эксперименты.

Узнать и оценить разнообразие музыки невозможно без более-менее сносной воспроизводящей аппаратуры. Согласно советским государственным стандартам, вся радиоэлектроника в СССР делилась на классы. Для звуковой аппаратуры существовало четыре класса сложности, о принадлежности к которым говорила первая цифра в названии устройств. Например, электрофон «Вега-101» принадлежал к первому классу, а «Легенда 404», соответственно, — к четвёртому. Два ноля в начале числительного после названия изделия («Арктур-007», «Маяк-001») означали принадлежность аппаратуры к высшей группе сложности. Почему-то в основной своей массе наш народ был совершенно неприхотлив к

качеству звука. Наверно потому, что большинству людей не с чем было его сравнивать. Аппаратура высокого класса стояла очень дорого, вдобавок, она была редкостью в свободной продаже. Даже располагая необходимой суммой денег, нужно было иметь связи, с кем-то договариваться, нередко переплачивать. Обладали таким сокровищем в буквальном смысле единицы. Если говорить откровенно, вся советская электроника нулевого класса была плохо скрываемыми копиями уже устаревших зарубежных аналогов с использованием отечественных радиодеталей. Такая техника была некрасивой, небрежно собранной, часто ломалась и быстро теряла вид. Одним словом, качество советских магнитофонов, усилителей и акустических систем ничем не отличалось от качества отечественных легковых автомобилей времён развитого социализма. Особнячком стояли ламповые радиоприёмники пятидесятых и шестидесятых годов выпуска. Обычно, они были такими же копиями зарубежных образцов, но по внешнему виду и качеству, почти не отличались от них. Правда, толку от этих приёмников было немного. Американское, и европейское радио на территории СССР беспощадно глушили, ограждая таким образом советских людей от «буржуазной заразы».

Первый советский магнитофон-приставка высшего класса был создан киевским заводом радиоэлектроники в 1973 году. Модель была довольно удачной, прочной и рабочей, на первых порах многие домашние и даже некоторые про-

фессиональные студии, за неимением зарубежных аналогов, пользовались именно этими деками. Что-то конкурентоспособное Маяку 001 в СССР появилось уже под занавес катушечной эры, на заре цифровых технологий. Средний советский потребитель пользовался магнитофонами второго класса. Как правило, это были довольно шумные одномоторные «рабочие лошадки», с грубой лентопротяжкой: «Маяки-203», «Юпитеры-202» и «Ноты-203-1». При всех недостатках, на этой аппаратуре можно было относительно качественно воспроизвести ленты, записанные на хорошем магнитофоне, но производить на них достойные записи было совершенно невозможно. Советские магнитофоны первого класса не многим отличались от второклассников. С усилителями производства СССР дело обстояло ещё хуже. Зарубежная аппаратура была доступна, в основном, детям советской номенклатуры, дипломатам, творческим работникам, выезжающим на гастроли за рубеж, торгашам и спекулянтам. Говорят, что первые экземпляры японских магнитофонов в нашем городе появились после зарубежных гастролей ансамбля «Танцы Сибири» в начале восьмидесятых годов прошлого века. Хорошая дека стоила около двух тысяч долларов. Не уверен, что нашим танцорам платили такие огромные гонорары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.